16411 27

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ

МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1958

Б. Я. СТАВИСКИЙ

МЕДНЫЙ КЛЮЧ ИЗ КУЛДОР-ТЕПЕ

В 1956 г. при раскопках городища Кулдор-тепе (в 35 км к юго-востоку от Самарканда) [1] был найден небольшой медный предмет с массивной подпрямоугольной в сечении ручкой с петлей для подвешивания, с плоским пластинчатым стержнем и кружком с двумя вырезами в центре и двумя бороздками на краю; кружок прикреплен к стержню под углом в 90° (рис. 1, *1*). На одной из граней ручки после очистки от окиси обнаружилась нанесенная точками арабская надпись, которую О. Г. Большаков и Л. Т. Гюзальян читают как عمل عثمان «сделал Усман». Три остальные грани ручки украшены точечным орнаментом в виде ломаной линии [2].

Этот предмет найден на поверхности дворика, связанного с поздними сооружениями, которые были возведены на оплывшем холме древней цитадели. По монетным находкам эти сооружения датируются второй половиной IX в. Однако жизнь на холме цитадели продолжалась также в конце XI—XII вв. Материалы этого времени были обнаружены при раскопках и на территории дворика. Поэтому точно датировать интересующий нас предмет на основании раскопочных данных пока не представляется возможным.

Ближайшая аналогия кулдорской находке обнаружена среди вещей «неопределенного назначения» в коллекции среднеазиатских древностей, собранных Б. Н. Кастальским. Это — обломок (ручка и часть пластинчатого стержня) медного предмета, чрезвычайно близкого кулдорскому (рис. 1, *2*) [3]. Интересно отметить, что на ручке предмета также имеется надпись (рельефом), начинающаяся тем же словом عمل — «сделал» (имя мастера не читается). К этому же типу вещей следует отнести и еще один миниатюрный медный предмет (рис. 1, *3*), также хранящийся в среднеазиатской коллекции Кастальского [4].

Спектральный анализ всех этих предметов, проведенный искровым способом в лаборатории археологической технологии ИИМК АН СССР, дал следующие результаты:

---

[1] Работы велись на средства Республиканского музея культуры и искусства Узбекистана (г. Самарканд), Государственного Эрмитажа и АН УзССР. Отчет о раскопках подготавливается к печати.

[2] Длина всего предмета 9,4 см, длина стержня 4,3 см; диаметр кружка 1,2 см; ширина ручки 1 см; толщина ее 0,7 см; толщина стержня 0,15 см; диаметр отверстий на кружке 0.4 см.

[3] Хранится в отделении Средней Азии Государственного Эрмитажа. Инв. № СА-1895.

[4] Хранится там же, инв. № СА-1891.

Предметы	Основа	Много	Значительно	Следы	Слабые следы
Из Кулдор-тепе . .	Cu	Zn	—	—	—
СА-1895	Cu	Zn	—	Mg	—
СА-1891	Cu	—	Zn, Fe	—	Pb, Sn, Ag, Mg

Насколько позволяют судить эти данные, химический состав двух первых предметов столь близок, что, возможно, свидетельствует о их происхождении из одного (скорее всего самаркандского) ремесленного района.

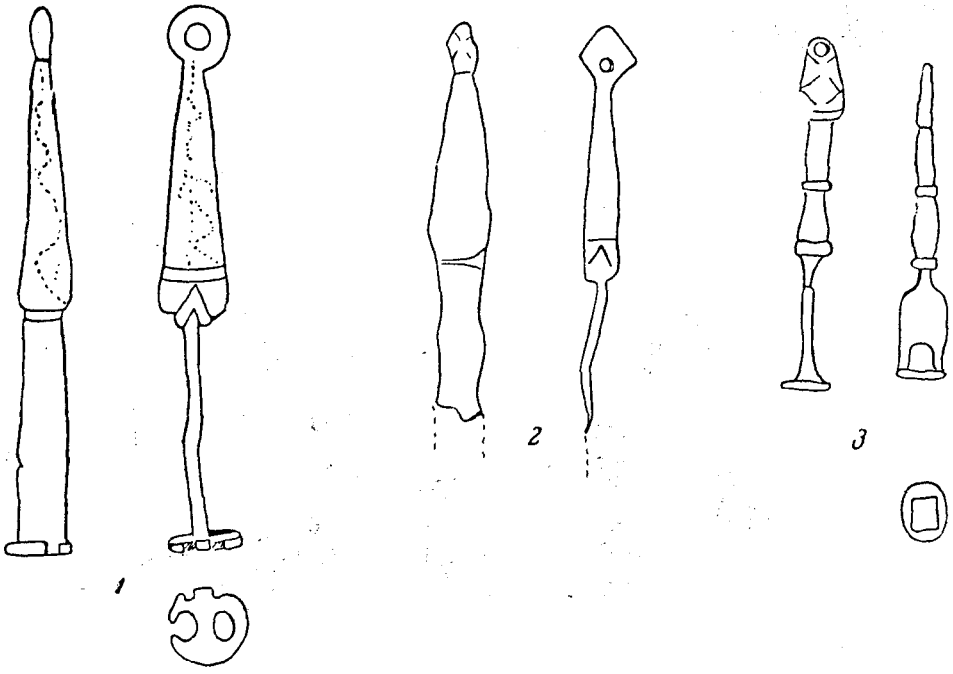

Рис. 1. Бронзовые ключи из Средней Азии:
1 — из Кулдор-тепе; *2—3* — из собрания Б. Н. Кастальского.

В литературе по археологии Средней Азии предметы такого рода ранее не были известны. Однако они легко находят себе и аналогии и объяснение в археологических материалах из других областей и прежде всего в материале из Восточной Европы. Восточноевропейские железные и бронзовые предметы подобного устройства давно уже определены как ключи от висячих замков, основанных на пружинном принципе (без поворота ключа) (рис. 2) [5]. Такие замки, изготовленные из бронзы и имею-

[5] В данном случае мы оставляем в стороне железные кубические и сходные с ними по устройству бронзовые цилиндрические замки, основанные на том же пружинном принципе, но имеющие ключи, рабочая часть которых не образует угла с осью ручки, а является прямым ее продолжением (см., например, А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, 26, 1902, стр. 48 табл. XIX, *12, 18, 19;* A. M. Tallgren. Collection Zaoussailae au Musée National de Finland a Helsingfors, Paris, 1918, стр. 32—33, табл. V, *20—25, 27;* А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА СССР, М., т. 28, 1952, стр. 216 и 218, табл. LV, *1*).

щие форму конька, барана или фантастического животного, были весьма широко распространены в Волжской Булгарии, а позднее в Золотой Орде [6]. Сходные по устройству и по внешнему виду бронзовые замки изготовлялись (начиная с конца IX в.) также в Херсонесе [7]. В XI—XII вв. чрезвычайно широкое распространение получили основанные на этом же

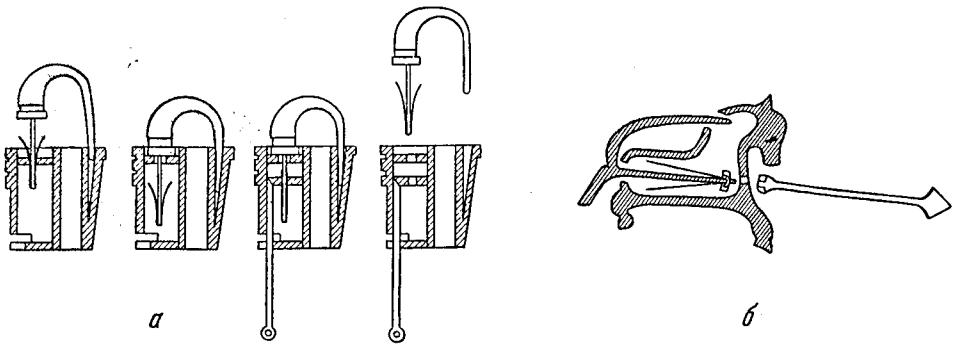

Рис. 2. Схема действия замков с пружинным устройством:
а — древнерусских, *б* — херсонесских (и золотоордынских).

принципе железные трубчатые замки стандартной формы, изготовлявшиеся древнерусскими ремесленниками [8]. Помимо районов массового производства и распространения пружинных замков, находки железных и

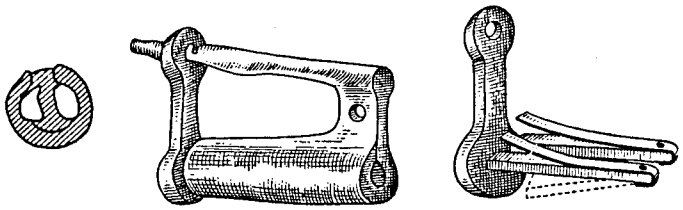

Рис. 3. Бронзовый замок Венгерского Национального музея

бронзовых изделий такого рода известны в ряде других мест, например в Прибалтике и на Готланде, в Венгрии и в Коринфе. Однако во всех

---

[6] А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 48, табл. XIX, *13*; A. M. Tallgren. Указ. соч., стр. 32—33, табл. V, *14—17;* А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 102—104; его же. Очерки древней и средневековой истории, стр. 216 и 218, табл. LV, 2.

[7] См. ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 4; ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 111: см. также Н. Третеский. О древних херсонесских замках и ключах. ИАК, 42, СПб., 1911, стр. 131—133; ср. А. П. Смирнов. Очерки по истории древних булгар. стр. 102—103. А. П. Смирнов считает, что булгарские замки являлись прототипом херсонесских.

[8] Р. Л. Розенфельдт. Русские замки домонгольского времени, КСИИМК, вып. 49, 1953, стр. 32—38; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 218—223; История культуры Древней Руси, 1, М.—Л., 1948, стр. 114, 228, 230; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 85—86; Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. МИА СССР, т. 32, 1953, стр. 152—157; А. А. Монгайт. Старая Рязань. М., 1955. МИА СССР, т. 49, стр. 104—106.

этих местах мы имеем дело с единичными находками, происхождение которых принято связывать с Востоком [9].

Судить о всех деталях конструкции замков, к которым относятся ключи из Кулдор-тепе и из коллекции Кастальского, мы не можем. Несомненно лишь, что небольшие по величине (судя по кулдорскому ключу не более 4,5—5 см длиной) среднеазиатские замки имели цилиндрическую полость, чем они отличались от уплощенных булгарских и херсонесских замков. Можно предположить, что среднеазиатские замки, как и ключи, в отличие от древнерусских, были изготовлены из меди или из

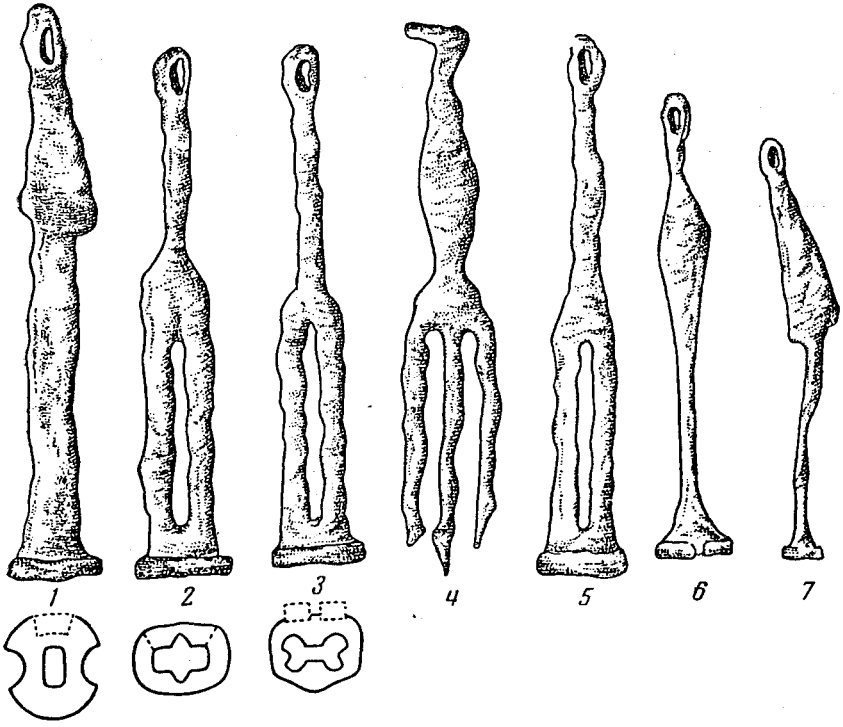

Рис. 4. Железные ключи от древнерусских цилиндрических замков:
1—3 — из Райковецкого городища; *4, 5, 7* — из Старой Рязани; *6* — из Московского Кремля

бронзы. Если последнее предположение правильно, то среднеазиатские замки и прежде всего замок, ключ которого был обнаружен в Кулдор-тепе, должны были быть близкими к цилиндрическому бронзовому замку Венгерского национального музея (рис. 3).

Генетическая связь упомянутых выше замков между собой представляется несомненной, хотя достаточных данных для суждения о том, какие из них являются более ранними, мы пока не имеем. Неясно также, почему из всех известных сейчас ключей среднеазиатские по своей форме оказываются ближе всего не к поволжским, что, учитывая реальные торговые пути раннего средневековья, было бы более естественно, а к ряду

[9] T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Upsal, 1914, стр. 199—200; J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn, т. I, Berlin, 1905, стр. 122—123; т. II, стр. 390; т. III, табл. 283; G. R. Davidson. Corinth. The minor oblects, 1952, стр. 137 и 140, табл. 71.

древнерусских (рис. 4). Но вне зависимости от окончательного решения всех этих вопросов мы вправе, по-видимому, утверждать, что кулдорская находка представляет интерес не только как ключ (в переносном смысле слова) для изучения замков Средней Азии IX—XII вв., но и как вещественное свидетельство культурных связей среднеазиатских народов с домонгольской Восточной Европой, обнаруженное, в отличие от всех предыдущих находок (монеты, металлическая посуда, керамика), не на древних восточноевропейских путях, а на территории Средней Азии.

В связи с устанавливаемым сходством ключей (и замков) Средней Азии и Восточной Европы нельзя не вспомнить об упоминании замков в перечне предметов, которые вывозились во второй половине X в. из различных городов Мавераннахра [10]. В этом перечне, составленном одним из крупнейших средневековых арабских географов Макдиси, о замках говорится при описании Хорезма, который, как известно, из всех среднеазиатских государств того времени был наиболее тесно связан с восточноевропейской торговлей.

---

[10] См. «Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи-Ма'рифат ал-акалим» ал-Макдиси», пер. С. Волина. МИТТ, т. I, Л., 1939, стр. 202; ср. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 245.

последнего словом «АКОУ». Эта находка,особенно вопрос о царе Аке,вызвали большой интерес среди нумизматов и историков. На страницах ВДИ были опубликованы на эту тему статьи Д. Г. Капанадзе (1948, № 1) и Л. П. Харко (1948, № 2).

Приветствуя почин Музея истории Азербайджана, надо пожелать ему с большей энергией и интенсивностью публиковать свои труды, вызывая на соревнование и другие научные учреждения Азербайджана.

Проф. И. Н. Бороздин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТАДЖИКИСТАНА

(Библиографический обзор)

В декабре 1949 г. таджикский народ праздновал двадцатилетний юбилей своей республики. В минимальный срок Таджикистан сделал гигантский шаг вперед по пути общественно-экономического развития, превратившись из вотчины бухарского эмира и его феодального окружения в цветущую социалистическую республику с передовым сельским хозяйством и развитой промышленностью. За истекшие годы Таджикская ССР пережила также колоссальные изменения и в культурном отношении, результатом чего явился рост интереса широких кругов таджикского народа к истории своей страны. «Таджики имеют богатую историю»,— писал еще четверть века назад товарищ Сталин. Ценность археологии «для изучения древнего периода и других периодов истории таджиков и Таджикистана» особо отметил в своем выступлении на первой сессии Тадж. ФАН СССР т. Гафуров.

Дореволюционные русские ученые, и в первую очередь акад. В. В. Бартольд, заложивший фундамент наших знаний по истории Средней Азии, сделали весьма немногое с точки зрения археологического изучения территории современного Таджикистана. В царское время здесь ни разу не производилось научных раскопок, а имевшие место находки частенько пропадали для науки или какими-то тайными каналами переправлялись за границу, как это, например, случилось с найденным возле древнего Кабадиана (совр. Микоянабад) Аму-дарьинским кладом, состоящим из памятников искусства предков таджиков — древних бактрийцев. Да иначе и не могло быть в стране, где народные массы, почти поголовно безграмотные, не понимали ценности археологических находок, а местным властям было мало дела до истории культуры таджикского народа. Плохо обстояло дело и с регистрацией наземных памятников, описание которых производилось в основном не специалистами, а путешественниками, иногда из числа географов и естествоиспытателей (например, А. П. Федченко), но чаще — из военных и гражданских чиновников (Д. Н. Логофет и т. п.).

Как, однако, ни несовершенно оставленное нам дореволюционными русскими исследователями наследство, пройти мимо него не вправе ни один археолог, желающий заняться изучением Средней Азии и, в частности, Таджикистана. Уже из данных, добытых этими исследователями, можно было сделать вывод о высокой культуре некоторых районов современного Таджикистана в глубокой древности. Именно такой вывод мы находим в ряде работ лучших представителей дореволюционной науки и, прежде всего, в работах акад. В. В. Бартольда.

Великий Октябрь в корне изменил подход к науке вообще, к исторической науке и археологии, в частности. Изучение истории культуры народов Средней Азии, в том числе и таджикского народа, которое раньше было занятием узкой группы ученых и небольшого числа членов Туркестанского кружка любителей археологии, «находящегося под высоким покровительством» царского генерал-губернатора, превратилось в работу государственного значения, имеющую целью помочь освобожденным среднеазиатским народам строить свою, национальную по форме и социалистическую по содержанию, культуру.

Не сразу, конечно, это изменение в подходе к археологии отразилось на размахе и качестве самих археологических исследований: не было еще кадров, нехватало опыта; мало способствовала этому и обстановка ожесточенной гражданской войны, надолго затянувшейся на территории Таджикистана. Но даже в это время, наряду со случайными известиями о том или ином памятнике, по характеру своему мало отличающимися от сообщений предыдущего периода, имели место и ценные исследования. Именно такой характер имела публикация М. С. Андреевым замечательных памятников искусства XI—XII вв.— резных деревянных колонн в кишлаках Обурдон и Курут и резного деревянного михраба в кишлаке Искадар (колонны были вскоре перевезены в Ташкент, а михраб в 1947 г. доставлен в Историко-краеведческий музей Тадж. ССР в г. Сталинабаде)[1]. В то же время А. А. Семенов дал сводку памятников древней культуры Средней Азии [2], а М. Е. Массон приступил к регистрации нумизматических находок [3].

Новое отношение к науке особенно ярко сказалось в имеющих мировое значение находках на г. Муг. Чабан Джурали Махмад-Али, случайно нашедший здесь рукопись на неизвестном языке, сообщил о ней секретарю Захматабадского райкома партии, который, в свою очередь, известил базу АН СССР в Сталинабаде. Направленная Институтом востоковедения на место находки рукописи экспедиция во главе с А. А. Фрейманом, опираясь на всемерную поддержку партийного и государственного аппарата, с помощью местного населения произвела в замке на г. Муг раскопки, давшие богатый материал по истории и культуре Согда в период арабского завоевания. Впервые на территории Согда были найдены рукописи на местном, согдийском языке, впервые был научно получен материал, свидетельствующий о быте, вооружении и культуре древних согдийцев[4].

Интереснейший материал дало также совместное изучение древних горных разработок и горного дела историками, археологами и геологами, предпринятое Таджикско-Памирской экспедицией[5].

К этим же годам относятся и полевые работы Б. А. Латынина на территории Ферганской долины, затронувшие и таджикскую ее часть. Остается только жалеть, что научный отчет, представленный этим исследователем в ГАИМК и хранящийся в архиве ГАИМК в Ленинграде, до сих пор не был опубликован. Данные о раскопанном Б. А. Латыниным могильнике № 3 в долине р. Исфара были опубликованы в 1948 г. С. С. Сорокиным, давшим им историко-археологическое объяснение [6].

В середине 30-х годов при Наркомпросе Тадж. ССР был создан Комитет по охране памятников старины и революционного движения, призванный регистрировать и брать под государственную охрану и археологические памятники. Работы Комитета в области археологии неразрывно связаны с именем В. Р. Чейлытко, исколесившего многие районы Таджикистана в поисках памятников такого рода. К сожалению, многочисленные памятники, зафиксированные, а частично и раскопанные В. Р. Чейлытко, не получили подробного научного описания и не были должным образом опубликованы. Об

---

[1] М. С. Андреев, Деревянная колонна в Матте, ИРАИМК, т. IV; статьи М. С. Андреева и М. Е. Массона в сб. «По Таджикистану», вып. 1, Ташк., 1927.

[2] А. А. Семенов, Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии, Сталинабад, 1945 (первая редакция в сб. «Таджикистан», Ташк., 1925).

[3] М. Е. Массон, Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташк., 1928; «Научная мысль», № 1, 1930, «Материалы Узкомстариса», вып. 5, 1933; «Сообщения Тадж. ФАН СССР», вып. VI и VII, 1948.

[4] «Согдийский сборник», Л., 1934.

[5] М. Е. Массон, Из истории горной промышленности Таджикистана, Л., 1934; Б. Н. Наследов, Кара-Мазар, Л., 1935.

[6] С. С. Сорокин, К вопросу о гуннах в Средней Азии, «Вестник ЛГУ», № 11, 1948.

этом особенно приходится пожалеть, ибо, судя по газетным заметкам, В. Р. Чейлытко работал с энтузиазмом и настойчивостью, и накопившиеся у него данные фактического и даже чисто технического характера могли бы заметно двинуть вперед наши знания по археологии Таджикистана [1].

Надежное хранение обеспечено теперь и случайным находкам, которые, благодаря возросшей грамотности населения, поступают в музеи, организованные в ряде городов Таджикистана, в первую очередь в Историко-краеведческий музей Тадж. ССР в Сталинабаде и Музей северного Таджикистана в Ленинабаде. Именно таковой была судьба находок писателя Рабии в районе Луч-оба, рабочего Бычкова в Яване, колхозника Насырова на Вахше, агронома Локка в Гиссаре [2] и многих других.

Сбор сведений об археологических памятниках ведут и работники этих музеев, и этнографы, и геологи, и краеведы-любители: Р. Махмудов, А. Е. Маджи, В. Д. Салочинский, Б. М. Здорик, Н. А. Кисляков и др.[3].

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистских захватчиков потребовала максимального напряжения физических и моральных сил всех народов нашей великой Родины и, естественно, сократила размах археологических работ. Однако, несмотря на трудности военного времени, на территории Таджикистана продолжались полевые археологические изыскания, которые вели В. Р. Чейлытко, М. Я. Феноменов, С. Н. Замятнин и П. И. Смоличев. Причем, если работы М. Я. Феноменова по обследованию района Гюлистан и долины р. Кара-таг страдали дилетантизмом, то работы С. Н. Замятнина, одного из крупных специалистов по культуре первобытного общества, и опытного археолога П. И. Смоличева, хорошо владеющего методом археологического исследования, имеют огромное научное значение, и очень жаль, что отчет первого о поисках следов первобытного человека в южном Таджикистане и отчет второго об археологических работах в Дангаринском районе Кулябской области до сих пор еще не увидели света [4]. Интересный материал по истории Ферганской долины дала археологическая экспедиция 1943—1944 гг. на строительстве Фархадской ГЭС, возглавленная В. Ф. Гайдукевичем под общим руководством А. Ю. Якубовского, обследовавшая районы по границе Таджикистана и Узбекистана и затронувшая территории обеих республик [5].

Следует, однако, признать, что со времени образования Таджикской ССР до окончания Отечественной войны для археологического изучения республики сделано было еще далеко не все. «...Уместно заметить в порядке самокритики, что наша археологическая работа не стоит на том уровне, на котором она могла и должна была бы стоять», — сказал на заседании Тадж. ФАН СССР в апреле 1944 г. т. Гафуров [6].

Хозяйственный и культурный расцвет советского Таджикистана, последовавший за победоносным окончанием Отечественной войны, забота партии, союзного прави-

---

[1] См. статьи В. Р. Чейлытко в газетах «Коммунист Таджикистана», «Комсомолец Таджикистана», «Сталинская молодежь» и «Стахановец», особенно «Коммунист Таджикистана» от 18 апреля 1935, 23 мая и 6 октября 1936, 14 сентября 1938, 6 апреля 1939, 4 сентября 1940, 1 сентября 1945 и 30 января 1946; ср. статью В. Левицкой «Археолог Чейлытко» в газете «Комсомолец Таджикистана» от 28 января 1940.

[2] См. статьи в газетах «Коммунист Таджикистана» от 26 марта 1935 и 14 августа 1939, «Комсомолец Таджикистана» от 28 января 1940 и «Сталинская молодежь» от 6 ноября 1945.

[3] См. «Коммунист Таджикистана» от 24 марта 1935, 18 мая 1936, 7 сентября 1939 и 5 июля 1940, «Комсомолец Таджикистана» от 18 января 1940 и «Труды Тадж. базы АН СССР», т. IX, 1940.

[4] Все упомянутые отчеты хранятся в архиве Института истории, языка и литературы Тадж. ФАН СССР; только отчет П. И. Смоличева об обследовании погребений со скорченными костяками в г. Сталинабаде посмертно опубликован в 15-м номере «Известий Тадж. ФАН СССР» в 1949 г.

[5] См. статьи В. Ф. Гайдукевича в КСИИМК, XIV и XXVIII.

[6] Труды Тадж. ФАН СССР, т. XXI, 1945.

тельства и великого вождя трудового человечества товарища Сталина о культурных запросах таджикского народа позволили начать на территории Таджикистана широкие полевые изыскания, отвечающие требованиям, предъявляемым к нашей археологии широчайшими слоями советской общественности.

В 1946 г. приступила к археологическому исследованию территории Таджикистана организованная Тадж. ФАН СССР, ЛОИИМК и Гос. Эрмитажем Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция (СТЭ), возглавленная чл.-корр. АН СССР А. Ю Якубовским. В состав СТЭ вошли видные специалисты по истории культуры Средней Азии: А. И. Тереножкин, М. М. Дьяконов, А. П. Окладников, А. М. Беленицкий, О. И. Смирнова, В. Л. Воронина и др. Экспедиция начала свои работы тремя разведывательными отрядами, обследовавшими бассейн верхнего Зарафшана, среднюю часть долины Вахша, междуречье Вахш-Пяндж, Гиссарскую долину и среднее течение Кафирнигана. Разведывательные работы продолжались и в последующие полевые сезоны, охватив южную часть Вахшской долины, низовья Кафирнигана, юго-западную часть Ферганской долины и правобережье Пянджа в районе Пархара. В результате этих разведывательных работ зарегистрированы многочисленные памятники от верхнего палеолита до XVIII в. включительно.

С 1947 г. СТЭ начала систематические раскопки прекратившего свое существование в VIII в. н. э. древнего Пянджикента. В 1947—1948 гг. велись также раскопки многослойного могильника Туп-хона близ Гиссара. В работах СТЭ участвуют и молодые научные работники (Е. А. Мончадская, С. Б. Певзнер, О. Г. Большаков, Б. Я. Ставиский). Успешно овладевают методикой полевых археологических исследований А. Джалилов, Н. Нигматов, К. Рудо, М. Винокурова, Р. Драбкина и др. Экспедиция превращается, таким образом, в кузницу специалистов по истории и археологии советского Таджикистана. СТЭ пользуется постоянной заботой и вниманием Совета министров Тадж. ССР и ЦК КП(б) Таджикистана. Помощь и поддержку экспедиции оказывают и местные органы Советской власти и партийный актив тех районов, в которых работают ее отряды. Особенно эта забота сказывается в Пянджикенте, где работают основные силы СТЭ [1].

В то время как отряды СТЭ обследовали районы Сталинабадской, Ленинабадской и Кулябской областей, Автономный Горный Бадахшан и северная часть Гармской области были затронуты работами другой крупной археологической экспедиции — Памиро-алтайской, возглавляемой проф. А. Н. Бернштамом. В течение ряда лет экспедиция эта изучает памятники кочевых племен Киргизии и Казахстана, и среди этих памятников нашел свое историко-культурное место материал верховьев Сурхоба—Кзыл-су и восточного Памира [2].

Такова в общих чертах история археологического изучения территории Таджикской ССР за 20 лет [3].

В результате всех перечисленных работ предварительным археологическим обследованием затронуты все области Таджикской республики, открыты памятники, освещающие историю таджикского народа и его культуры, начиная с самой зари человеческого общества.

К неолиту, а отчасти и к верхнему палеолиту относятся пещерные и открытые

---

[1] Труды Таджикско-Согдийской археологической экспедиции, т. I, МИА СССР, № 15, М.— Л., 1950; статьи А. Ю. Якубовского, О. И. Смирновой и А. М. Беленицкого в КС ИИМК; статьи А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова, А. П. Колпакова и Б. Я. Ставиского в «Сообщениях» Тадж. ФАН СССР и др.

[2] См. статьи А. Н. Бернштама в КС ИИМК, вып. XXVI и XXVIII, в «Вестнике ЛГУ», № 12 за 1947 г. и «Известиях Кирг. ФАН СССР», вып. VII.

[3] Данная статья является, насколько мне известно, первым опытом обзора истории археологического изучения Тадж. ССР и поэтому не претендует на охват всех исследований и находок.

стоянки Сталинабадской области, обследованные С. Н. Замятниным и отрядом СТЭ, возглавляемым А. П. Окладниковым. К памятникам первобытного искусства, освещающим и вопрос об идеологии первобытного общества, следует отнести ряд наскальных изображений Ленинабадской области, обследованных местными краеведами и сотрудником СТЭ — А. Н. Дальским (1947 г.).

Ко времени бронзового века относятся, вероятно, скорченные погребения (с каменными орудиями) из нижнего слоя могильника Туп-хона возле Гиссара, раскапывавшегося отрядом СТЭ во главе с М.М. Дьяконовым в 1946—1948 гг. К этому же времени следует, возможно, отнести и открытую любителем археологии А. Д. Салочинским и В. Р. Чейлытко пещеру у Иски-Гузар, возле Орджоникидзеабада с грубой керамикой и кремневым ножом, а также найденный в 1941 г. при постройке железной узкоколейной дороги у к. Шаршар (к югу от Сталинабада) медный топор переднеазиатского типа.

Эпоха раннего железа, относящаяся в Средней Азии ко времени, близкому к середине I тысячелетия до н. э., представлена пока что только погребальными памятниками кочевников-саков Памира и северной части долины Сурхоба, открытыми Памироалтайской экспедицией. Памятники этого типа не заходят на западный Памир и на юг от Хаита и четко разграничивают районы древней оседлости от древних же районов горных кочевий. Памятники эти документируют зарождение у саков первых форм государственности и классовой дифференциации, воинственность кочевников и высокое развитие у них изобразительного искусства, близкого искусству «скифского» мира, охватывающего широкие степные просторы от Венгрии до Алтая. Курганными группами представлены в этих районах и более поздние кочевники, известные из китайских источников под именем «усуней». Следует отметить, что Памир, с которым многие буржуазные ученые связывали всякого рода фантастические концепции, вплоть до признания его родиной пресловутого индо-европейского пранарода, оказался лишь периферийным районом временных кочевок, а «таинственные арийцы», на заре истории завоевавшие северную Индию,— кочевыми сако-усуньскими племенами, предками столь презираемых «цивилизованными» варварами типа геббельсов и грехэмов «диких азиатских племен».

Середина I тысячелетия до н. э. характеризуется образованием Ахеменидской державы, охватившей почти весь известный тогда мир. В состав этой державы вошла и большая часть Средней Азии. Археологически этот период в Средней Азии изучен слабо. В Таджикистане к этому времени относятся скорченные погребения в Сталинабаде, обследованные П. И. Смоличевым, а также захоронения, вскрытые при сооружении узкоколейной железной дороги возле к. Шаршар и Дагана-кишк. Судя по обряду погребения, население продолжало придерживаться древних традиций. Круглодонная керамика этих погребений обнаруживает черты хозяйственно-культурной общности с населением всей Средней Азии — от Семиречья на востоке до Хорезма на западе.

Ахеменидскую державу сменила империя Александра Македонского, на руинах которой более столетия существовало Греко-Бактрийское царство. Находясь в системе этих государств, среднеазиатские народы близко познакомились с культурными достижениями древних цивилизаций Восточного Средиземноморья и Передней Азии, а наладившиеся в этот период торговые связи столкнули их и с цивилизациями Индии и Китая. Синкретизация древних местных культурных традиций и веяний указанных цивилизаций Ближнего, Среднего и Дальнего Востока породила исключительно интересные памятники так называемого «греко-бактрийского» искусства, созданные среднеазиатскими мастерами как в период существования Греко-Бактрии, так и в течение длительного времени после ее падения. Памятники этого искусства, хранящиеся в Гос. Эрмитаже и тщательно исследованные членом-корр. АН СССР К. В. Тревер, открывают перед нами сложный мир представлений предков таджикского народа во время, близкое к рубежу нашей эры. С этими же представлениями связана золотая статуэтка богини круга Анахит, найденная среди Хаитского клада 1946 г.

К этому же времени (II—I вв. до н. э.) относятся бактрийские погребения на Туп-хоне с монетой на груди или во рту и ритуальными высокими кубками на изящной ножке очень хорошей выделки. С могильником на Туп-хоне связано, возможно, горо-

лище Хоки-сафед, нижние слои которого могут быть синхронны указанным погребениям. Вероятно, к этому периоду относится создание многочисленных поселений, тяготеющих к предгорьям по краям Гиссарской долины, частично затронутых при сооружении Гиссарского канала, а также случайные находки 1948 г. на городище Старое Дюшамбе (хум, бокал близкий бокалам Туп-хона и др.) и на молочном заводе (глиняная статуэтка обезьяны с барабаном); все эти находки хранятся в Историко-краеведческом музее Тадж. ССР. С этой же или несколько более поздней эпохой следует связывать каменные базы колонн из Кабадиана и Айваджа, также доставленные в 1948 г. в Историко-краеведческий музей Тадж. ССР в г. Сталинабаде.

На севере Таджикистана ко времени, близкому к рубежу нашей эры, относятся многочисленные поселения и могильники, в частности могильник Ширин-Сай, нижние слои Мунчак-тепе и могильник, лежащий восточнее этого городища (раскопаны Фархадской экспедицией). К этому же времени относится открытый Б. А. Латыниным могильник № 3 в долине р. Исфара, который, повидимому, связан с появлением гуннов в Средней Азии.

Все эти памятники свидетельствуют о расцвете земледельческой культуры в долинах Таджикистана, о высоком развитии ремесла, архитектуры и искусства, о широких торговых и культурных связях на рубеже нашей эры.

Работами советских археологов (в первую очередь профессором С. П. Толстовым) доказано, что вплоть до середины I тысячелетия н. э. в ведущих районах Средней Азии господствовали патриархально-рабовладельческие отношения. В последующие 300 лет Средняя Азия проходит период становления феодализма.

Арабское завоевание VII—VIII вв. значительно изменило процесс феодализации среднеазиатского общества, нанеся чувствительный удар местным культурным традициям и наложив на более поздние средневековые культуры народов Средней Азии мрачную печать ислама. Период этот интересен тем, что в процессе борьбы с арабами происходила консолидация восточноиранских этнических групп в единый таджикский народ.

Изучение памятников этого периода дает возможность решить кардинальные вопросы истории таджикского народа, его культуры и его этногенеза; вопросы о социально-экономических и идеологических основах древней домусульманской Средней Азии, о местных особенностях процесса феодализации, о культурном уровне среднеазиатского общества, о роли арабского завоевания в последующем социально-экономическом и культурном развитии этого общества.

Памятники этого важного в истории таджикского народа периода богато представлены в бассейне верхнего Зарафшана. К этому периоду относится большое число городищ-замков типа замка на горе Муг, богатый материал которого (рукописи на согдийском, китайском, арабском и не определенном пока что языке, щит с изображением конного воина, стрелы, деревянная утварь, керамика и т. п.) хранится в основном в Гос. Эрмитаже; городище в к. Кум, на территории которого В. Р. Чейлытко нашел скульптурное изображение головы безбородого широколицего мужчины, замок Калаи-Муг в к. Урмитан, а также, возможно, замки Калаи-Пешти-Хисор и Калаи-Сангина в районе Искандер-Куля.

К этому же периоду относится ряд городищ Пянджикентского района, и прежде всего древний Пянджикент, вот уже три года подряд систематически раскапываемый СТЭ [1]. Это небольшое городище, состоящее менее чем из пяти десятков крупных монументальных построек, дало уже богатейший материал по религии, технике, архитектуре, искусству и быту домусульманского Согда; здесь вскрыты два крупных храма, части загородного замка правителя и городского комплекса дворцового типа и 14 погребальных склепов лежащего у городских ворот маздеистского могильника. Огромную историко-культурную ценность представляет красочная стенная живопись, покрывающая стены храмов и парадных помещений.

[1] Раскопки здесь продолжаются и в текущем году. В данной статье использованы результаты работ 1946—1949 гг.

Уже один пянджикентский материал ясно доказывает, что согдийское общество стояло на очень высокой ступени культурного развития; арабы, огнем и мечом сломившие упорное сопротивление маленьких согдийских государств, принесли в Среднюю Азию не высокую культуру, как уверяют панарабисты, панисламисты и прочие буржуазные историки, а грабежи и пожары, разрушение и упадок древней культуры. Пянджикентский материал показывает, что не на далекий Запад, а в древние местные традиции уходят корни последовавшего при Саманидах (IX—X вв. н. э.) культурного расцвета, порождением которого являются и язык «дари», и классическая таджикская литература от пянджикентского горца Рудаки до величайшего из поэтов Востока — Фирдоуси, и такой шедевр строительного искусства, как мавзолей Исмаила Самани в Бухаре. Отголосками этого расцвета являются памятники художественной резьбы по дереву XI—XII вв.: колонны из кишлаков Обурдон, Курут и Урмитан (последняя обследована СТЭ) и михраб из кишлака Искадар.

К кануну арабского завоевания относится в Ферганской долине замок Мунчактепе, а к югу от Гиссарского хребта — городище Калаи-Джогах в Варзобском районе (обследовано в 1948 г. А. П. Колпаковым и А. Е. Маджи). К этой же эпохе, возможно, следует отнести антропоморфные сосуды, найденные при сооружении Гиссарского канала в 1946 г. (Историко-краеведческий музей Тадж. ССР), и оссуарий из кишлака Паркамчи Дангаринского района Кулябской области, доставленный в Сталинабад в 1942 г. Б. Н. Ниязмухамедовым и П. И. Смоличевым.

Многочисленные археологические памятники советского Таджикистана ждут еще тщательного и систематического исследования. То, что в этом отношении уже сделано нашими археологами, является лишь фундаментом для будущего, еще более широкого изучения. Археологические памятники Таджикистана могут и должны пролить новый свет на богатую историю таджикского народа и его большой культуры. Результатами археологических экспедиций живо интересуется общественность Таджикистана и братских народов нашей великой Советской державы.

Б. Я. Ставиский

A. GARDINER, Ramesside Administrative documents, L., 1948, XXIV+101 стр.[1]

В процессе изучения и подготовки к изданию текста папируса Вильбур—огромной земельной описи времени Рамсеса V—А. Гардинер собрал большой материал, требовавшийся ему для уяснения этого документа. Среди выявленного им материала имеется несколько уже известных в науке папирусов, однако гораздо больше оказалось таких, которые раньше были вовсе неизвестны. Этот собранный им материал автор счел целесообразным опубликовать в рецензируемой работе, название которой, как он сам и указывает в своем предисловии, не вполне точно, ибо в ней даны по преимуществу такие документы, которые помогают уяснению проблемы зернового обложения налогами, а не все вообще административные документы Рамессидского времени. Разумеется, число административных документов этого времени очень велико (особенно, если включить в их число все те, которые написаны на остраконах), и попытка дать их корпус оттянула бы на много лет выход этой нужной работы. Однако отсутствие в настоящем издании таких документов, как, например, Луврский папирус 3171,

[1] Первые 23 страницы рецензируемой книги, под тем же названием, были изданы еще в 1940 г. (см. мою рецензию в ВДИ, 1946, № 3, стр. 127 сл.). Для настоящего издания они были пересмотрены и местами уточнены.